

18+

Михаил Дорошенко

Черный квадрат

Михаил Дорошенко

Черный квадрат

«Издательские решения»

Дорошенко М.

Черный квадрат / М. Дорошенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510263-8

«Видели ли вы когда-нибудь, как пальцы музыканта, порхая над нотами, дирижируют мелодию, глаза блестят, губы шевелятся. Перед нами — профессионал! Таким же профессионализмом должен обладать читатель, открывающий книги Дорошенко». Олег Серов

ISBN 978-5-00-510263-8

© Дорошенко М.
© Издательские решения

Содержание

Пояснение	6
Господин из Санкт-Петербурга	7
Книга перемен	8
Черный квадрат	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Черный квадрат

Михаил Дорошенко

Дизайнер обложки Аркадий Павлов

© Михаил Дорошенко, 2024

© Аркадий Павлов, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0051-0263-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пояснение

Тексты, собранные под заголовком «Черный квадрат», являются прозой, но их можно использовать также в качестве сценариев. «Черный квадрат» и «Сокровище Акры» были написаны на заказ, но у заказчиков не было возможности достать деньги на постановку, и сценарии повисли в воздухе. Настало время вынуть их из небытия, слегка переписать и превратить в «визуальную прозу».

«Рандеву с Бафометом» – ремейк фильма Полянского «Тупик». Я так и слышу критический возглас о постмодернизме или пост-постмодернизме. Ничего общего с постмодернизмом мои тексты не имеют. С детства я был идеальным читателем, о котором мечтали бы все авторы, если бы ни одно «но». Дело в том, что я не просто видел происходящее в текстах, но и воспроизводил по своему усмотрению. Сотни вариантов «Трех мушкетеров» стали моей первой школой экранизации литературного произведения. В 1965 году в журнале «За рубежом» я прочел описание фильма «Тупик» и с тех пор пересочинил многочисленные варианты сюжета. Когда же удалось посмотреть сам фильм, варианты сюжета крутились вокруг меня до тех пор, пока я не написал «Рандеву...», а затем еще два варианта занес в черновик. Главным условием переделки является не столько улучшение сюжета, сколько обогащение новыми смыслами, как это часто было у Шекспира.

«Сердце Коцея» написано в соавторстве с А. Шпагиным. «Книга перемен» – ремейк фильма «Мешок без дна» Р. Хамдамова, последнее произведение «Человек, который переступил черту», переключаясь с «Господином из Санкт-Петербурга», подводит итоги всему циклу.

Господин из Санкт-Петербурга (прелюдия)

«Крышу ладошками выстроив храма „я“ своего, господин из Санкт-Петербурга... назовем его, скажем, фон Мерц... в кресле своем восседал, шахматной партией жизнь представляя. Изумрудную скрижаль, пальцами каждую грань ощущая, вертел непрестанно в руке. От вращения возникали видения. Туры по клеткам шагали невидимым, разрушая все на пути – прогресс наступал: там, где вчера домик стоял (бонбоньерка изящная), нынче торчал небоскреб, шпилем в небо впиваясь. Дирижабль в небе парил, птиц обгоняя – в салоне сидящие люди, как боги, смотрели на мир свысока. Кони зигзагами передвигались по площади – направо-налево раздавали казаки удары нагайками, пешками люди сновали по улицам и площадям. В театрах злодеи кололи друг друга кинжалами с уходящими в рукояти клинками, на улице предпочитали колоть настоящими. Рыцарь пера сражался против рыцаря кинжала и шпаги и... побеждал. Брокеры насмерть сражались на бирже за интересы рантье – те же в спальни свои дам приводили прекрасных, усыпали их драгоценностями, сверкающими, словно колибри, за то, что помпейские те исполняли обычаи – однако, не долго держались на пальцах колибри, как и их красота. Время текло не линейно – скачками, время было утрачено, о чем предупредил уже Пруст – Шпенглер нашел подтверждение тому. Некто с пенсне на носу держал голову чью-то в руках, не зная о том, что ледоруб уже занесен над его головой, опустить оставалось спустя двадцать лет – мгновение для вечности, в сущности. Фараон в попытке вернуться в свою пирамиду, с айсбергом спутав ее, погружался в водяную стихию, Титаник с собой утаскивая в глубину. Не давали стихии прогрессу спешить, законам шахматным не подчинялись, утверждали в природе свои: Мессину сожгли – „за палладизм“ утверждала молва. „Что там, Мессина!“ Территорию, равную Франции, сжег Тесла в Сибири небесным огнем. К „Лузитании“ медленно-медленно, словно акула, заранее, за многие годы вперед, приближалась торпеда. Уже черный квадрат, обессмертив себя, Малевич из шахматной тверди извлек, – оттуда не Маракотова бездна чернела с осьминогами, могущими тащить корабли в глубину, а космос бездонный, и названия не находилось тому, что оттуда сквозило. Множество в черных квадратах обитало идолов, демонов, духов, божеств. Черную мессу во тьме творили им мудрецы. Слабой фигурой король предстал на доске, сильной – ферзь: стоило только ему головою кивнуть в кабинете своем златостенном, броненосцы снимались со своих якорей и плыли в Желтое море отомстить неразумным китайцам, кои опиум покупать отказались – безумцы – или же взрыв раздавался в Петербурге на даче министра известного. Трещала империя (молчали стихии), морды, морданы, мордищи из толпы выступали, кричали: „Война!“ – а другие: „Долой!“ И рад был тому несказанно фон Мерц: „О, сколько преступлений чудных готовит нам игра!“ Бога считал он явлением абстрактным, однако боялся, скорей, опасался – вдруг существует, за парадоксом Паскаля скрываясь. Осторожно (с оглядкой на парадокс) пытался найти в инкунабулах древних способ сношения с силами мира того, используя фигуру литературную – Мефистофеля (статуе коего позолотил), чтобы возможность получить, фигурами передвигая, на шахматной доске воображении, всеми своими клетками, овалами и ромбами, вплетенными в орнамент изощренных линий мировой Судьбы, событиями управлять, сидя в кресле своем».

Книга перемен

Несколько рядов кресел закрытых белой тканью, говорят о том, что время от времени здесь проходят концерты или театральные представления. На первом ряду сидит дама в возрасте. В причёске у нее полумесяц, а на груди брошка, похожая на орден. Она в нетерпении тербит ожерелье, нить разрывается, жемчужины рассыпаются по паркету, подкатываются к гобелену на стене с изображением сокровищ, разложенных на поляне. Даму зовут, она встает и уходит. Офицер в мундире с эполетами собирает бусы в ладонь, предлагает даме. Она протягивают руку, но к ней обращается фрейлина, она взмахивает рукой: «Потом». Бусы вновь рассыпаются. Рассказчица уходит, офицер стоит в недоумении...

– Его сиятельство, – объясняет фрейлина, – должен находиться под постоянным надзором, поскольку после смерти жены он ведет себя, как ребенок. У него появилась прихоть выслушивать рассказы на разные темы, в том числе и детективные. Они его успокаивают. Если князю понравится, за работу получите сто пятьдесят рублей. Предупреждаю! Никаких упоминаний о царевиче Дмитрие, Лжедмитрии, Николае, а тем более – ныне царствующем. Кажется, Павла пропустила. О нем тоже нельзя. Рассказывайте о том, чего нет. Что-нибудь из четырнадцатого века, а еще лучше – тринадцатого. И, – поднимает она палец, – не вступайте с его сиятельством в споры на политические, теологические, исторические и философские темы. Вот то, что вы просили, – передает она рассказчице шкатулку с драгоценностями. – Можно на литературные темы, только не упоминайте Лермонтова и Достоевского. Гоголя – тоже не нужно. Лучше иностранных авторов. Кроме Шекспира, Гете и... де Кюстина на всякий случай. Можно использовать сказки «Тысячи и одной ночи». Желательно, чтобы действие проходило подальше от нас: в Японии или в Китае. О будущем тоже не надо, а то одна пифия напроорочила нам тут недавно, будто бы перед его величеством раскроют огненную книгу. Его светлость решил, что в императора бросят бомбу. Представляете?

* * *

Дама раскладывает на столе в кабинете драгоценности. На черном квадрате, входящем в орнамент ковра, она прикалывает брошки, отстраняется, смотрит в лорнет.

– Что желаете услышать, ваше сиятельство?

– Расскажи мне, цыганка, как поется в романсе, о моем прошлом, настоящем и будущем...

– Ваше сиятельство, сегодня вы не только услышите все, но и увидите. Взгляните в подзорную трубу на мою композицию.

Князь заглядывает в подзорную трубу и отшатывается, но вновь принимает к окуляру.

– Узоры, узоры... – удивляется князь. – Что за эффект?

– Настраивайте фокус, как только найдете картинку, можете уже не смотреть в объектив, а все происходящее увидите в узорах ковра.

Князь настраивает фокус, смотрит в окуляр.

В роении узоров возникает маленький мальчик, выглядывающий из окна на слегка подтаявшую ледяную статую греческой красавицы в парке. Солнечный луч возникает из-под облака. Статуя загорается огнем, струйки воды стекают по ней и, наконец, она обрушивается с замедлением. По щеке мальчика стекает слеза.

- Не знал, что моя подзорная труба обладает такими свойствами.
- Обладает, но только не труба, а вы сами, ваше сиятельство. И только в моем присутствии. Не у всех получается. У вас привычка есть расставлять предметы на столе.
- Люблю переставлять побрякушки. Иногда получаются затейливые композиции.
- Это выдает в вас художника.
- Любителя во всяком случае. Но ничего кроме успокоения и эстетического удовольствия, не получается. Теперь слышны даже звуки, но звучат они у меня в голове. Как у вас получается? Как научиться такому?
- Очень просто: берете лорнет, монокль или подзорную трубу. Если долго смотреть на орнамент, – указывает она на ковер, – узоры начинают жить самостоятельной жизнью. Несколько месяцев упражнений, и вы будете видеть.
- Так просто?
- Начинать нужно с детства, а сейчас с моей помощью только.
- Я с детства любил составлять композиции. О, я видел, я видел все в детстве! Почему сейчас у меня ничего не получается?
- Вы разучились, но потребность осталась. У вас есть определенный талант.
- Все мое детство было похоже на сон.

Изогнутой рукояткой трости мальчик бьет по бильярдному шару, он со свистом летит и разбивает мозаику на стене: девушка в кокошнике на фоне идиллического пейзажа. По мозаике проходят трещины, фрагменты перемешиваются и образуют сирену. Она разводит крылья, открывая грудь.

- Потом меня лечили, – говорит князь, обращаясь к рассказчице, – от способности видеть сирен. К сожалению, вылечили. То, что есть, то есть, а чего нет, того нет.
- Теперь берите лорнет и смотрите.

Порыв ветра раскрывает все двери и окна во дворце. Летят бумаги, ткани, бешено развиваются занавески, одна срывает и летит через зал, запутываясь в отбивающемся от напасти лакее. Юная фрейлина пронесется по паркету с зонтиком в руках. Молния залетает в окно и с треском бьет в бронзовую статуэтку какого-то хмурого гнома, грозящего кулаком небу с чернильного прибора на столе.

Мальчик во фраке делает шаг к хорошенькой, как кукла, девочке в пестром платье и шляпе с широкими полями. Она делает шаг от него. Он делает еще один шаг, она отступает на два. Наконец, она упирается в стену. За ее спиной – гобелен: Артемида с копьем в угрожающе поднятой руке на фоне идиллического пейзажа. Она выставляет веер перед собой, а он

берет жемчужное ожерелье и притягивает ее к себе: нитка разрывается, и бусинки с треском рассыпаются по паркету. В ответ она бьет его веером по щеке. Он отступает, подходит к клетке, достает попугая, говорит ему: «Фас!» – и направляет в сторону девочки. Попугай подлетает к ней, она закрывается веером.

«Разрешите, Карлуше, – начинает тараторить попугай, пытаясь сесть ей на плечо, – прилечь к плечу, мадамдузель? Карлуша самых честных правил, он уважать себя заставил и лучше выдумать не мог. Но, боже мой, какая мука: невольной ласки ожидать, молить и требовать признанья, подушку поправлять и возбуждать улыбки дам огнем неожиданных эпиграмм».

Девочка отмахивается от него веером.

«Карлуша создан для блаженства! Я вам писать, чего же боле, а вы... какое низкое коварство... мне в моих чувствах отказать».

«Не понимать по-русски, – отвечает девочка сквозь слезы, – excusez moi».

«Она по-русски плохо знала, – ехидничает попугай, – „жюрррналиов“ наших не читала и выражалась с трудом на языке моем родном. Однако полно прославлять надменных лирою своей...»

Фрейлина и два офицера играют в парке на пианино. Ястреб преследует зайца, тот подныривает под ограду парка и прыгает на руки к девочке крестьянке. Она гладит его, вертится, отворачиваясь от хищника. Ястреб садится на ветку и, растопырив крылья, недовольно клекочет. Раздается звук рожка, и он улетает. Девочка грозит ему пальцем вслед. К ней подходит крестьянин с ножом и протягивает руку к зайцу. Девочка несколько раз отворачивается, как только что от ястреба, наконец, отпускает зайца, он убегает, и крестьянин крутит ее за ухо.

«Нет-нет, коньяк не могу, – говорит эмир, разодетый в пышный бархатный халат, усыпанным бриллиантами. – Все, что из виноградной лозы, Магомет запретил, а водку не успел: вознесся на небо за семьсот лет до ее изобретения. Что не запрещено, то позволено. Ваше здоровье!»

Пока отец выпивает с эмиром, мальчик в офицерском мундире показывает язык сыну эмира. Принц в отместку срывает с него эполет. Мальчик выхватывает кортик и делает выпад, а принц отстраняется и выхватывает кинжал из-за пояса, но их растаскивают взрослые. Мать затаскивает его за ухо в спальню, спускает штаны и, как был в мундире, швыряет его на диван.

«Глаша, розги! Всякий раз, ваше сиятельство, когда поведете себя безобразно с гостями, будете вспоминать, как вас порола по голому задку дворовая девка».

– Ваша матушка женщина крутого нрава, – говорит пифия, меняя расположением драгоценностей на ковре.

– О, да! Во всей полноте испытал на себе. Если вы спросите, кем я был в прошлом рождении, скажу: оленем, которого убила моя мать на охоте.

На поляне по склону горы между двумя рядами сосен несется кабан, гонимый загонщиками. Мальчик стоит с арбалетом. Он приближается, но он не в состоянии пошевелиться. Из-за его спины появляется мать. Она стреляет из лука над его головой, попадая кабану в рот. Несколько раз перевернувшись, животное падает к ногам мальчика. «Эх ты, тетеря», – презрительно говорит ему мать. Егеря спускает свору псов, и они набрасываются на поверженного зверя.

Мальчик с воплем бросается к матери. Она бьет его по щеке:
«Ты испортил нам праздник, дружочек».

Взрослые сидят за тем же столом, а мальчик в мундире стоит с винтовкой в руках со штыком. Пред ним, позвякивая бубенцами, извивается клоун.

«Ну, коли его, – приказывает отец, – коли!»

«Ему будет больно», – сквозь слезы произносит мальчик.

«Тебе будет больнее, если не перестанешь хныкать, – говорит ему мать. – Коли, тебе говорят!»

Мальчик делает нерешительный выпад. Клоун с легкостью уклоняется. Мальчик начинает делать более резкие выпады, но никак не может попасть. Наконец, он попадает ему в грудь, и штык полностью уходит в тело. Клоун хватает руками ствол и начинает медленно опускаться на колени. Мальчик в ужасе отпускает ружье. Клоун отбрасывает ружье, и бутафорский штык возвращается на свое место. За столом раздается хохот и аплодисменты.

– Меня готовили к военной карьере, а я хотел стать актером. В результате не стал ни тем, ни другим. С детства я жил в окружении спиритов, кликуш, предсказателей и масонов...

В пустой церкви княгиня исповедуется священнику. Она в шикарном шуршащем платье, на лице у нее вуаль. Мальчик бродит по церкви, разглядывая иконы.

«В вашу задачу... ваше преподобие... входит выслушивание наших откровений и передачи Богу на рассмотрение. Философия не ваша стезя. Спиритизм научно обоснованный факт. Духи восходят, нисходят... Платон за много веков до Христа сказал: «все, что вверху, то и внизу».

«То, что вверху, хорошо, а ежели, что внизу, то не есть хорошо».

«Духи восходят, нисходят, и вновь восходят... Все возвращается на круги своя. Платона читали? Могу прислать вам экземпляр на немецком».

«Я, матушка, о, ваше сиятельство, Платона читал. По-гречески. Затейливо писано, витиевато, узорно. Интересно узоры разглядывать, да только все это прелесть, обман, заблуждения».

«Прочтете на немецком, если знаете, с комментариями современных ученых. Уму – разуму наберетесь. Оставьте философские рассуждения образованным людям и займитесь лучше своими обязанностями. Накладывайте епитрахиль».

«Да, как же я, матушка, могу спиритизм разрешить? Грех на мне будет великий».
«Не знаете, как? А вот так, – она берет епитрахиль и кладет себе на голову. – И говорите, что там положено».

«Ох, грехи наши тяжкие...»

«Вы свои-то грехи к моим не присовокупляйте, ваше высокопреподобие».

«Ох, придется вымалывать...»

Овальный стол на поляне в лесу. Медведь выходит из кустов на поляну, подходит вплотную и с легким рычанием опирается о стол. Стоящий за спиной княгини офицер достает пистолет.

«Стоп!» – поднимает руку княгиня. Берет со стола какой-то напиток, набирает в рот и выдувает на свечи в подсвечнике.

«А-я-я-ай...» – кричит человеческим голосом медведь и судорожно машет лапами перед мордой, отмахиваясь от пламени.

Княгиня встряхивает бутылку шампанского и выстреливает струей в морду орущего зверя. Медведь падает на спину, кубарем скатывается назад и оказывается во дворце.

Мальчик открывает дверь и в щелку наблюдает за тем, как медведь подходит к туалетному столику, смотрит на себя в зеркало, берет расческу и проводит по голове. Потом медведь подходит к столу, берет бутылку, наливает вино в бокал и выпивает. Оглядывается, видит мальчика, и они оба пугаются. Она захлопывает двери. Медведь мгновенно исчезает из кабинета и возвращается в лес, унося с собой бутылку и часть обстановки: стол, зеркало, лампу, диван.

Мальчик, указывая на двери, говорит родителям:

– Там медведь.

Они с недоумением смотрят на нее и мать говорит:

– Там нет медведя.

– Медведь там, – добавляет отец, указывая на шкуру, лежащую в соседней комнате.

Мальчик заглядывает в комнату, оборачивается к ним и говорит:

– Там был медведь, – вновь заглядывает и добавляет: – А сейчас его уже нет.

– В наказание за фантазии меня обычно сажали в клетку, выгнав из нее попугаев. Попугаи садились на прутья: иные жалели меня, другие злословили. У них, оказалось, все, как у людей. Мне давали возможность выйти: клетка не запиралась, но, если я выходил раньше времени... меня сажали перед часами... возмещали неповиновение розгами. Так закаляли мою волю. С тех пор ненавижу смотреть на циферблаты.

– Странный способ сделать из вас военного.

– Я все-таки стал военным на непродолжительное время. Как и все молодые люди моего поколения я бросился в омут светских развлечений, но очень скоро возненавидел высший

свет со всеми его балами, охотами, дуэлями, интригами и сплетнями. Отвратительные обычаи и ритуалы, которые я нахватался, сделали меня окончательным циником. И вот в этом роскошном аду явилась она, ангел света. Если вы считаете сейчас меня циником, до женитьбы, посчитали бы монстром. Уединение в этом дворце, вот, что стало моим уделом после смерти жены.

– Как же вам удалось влюбиться?

– Я всегда рассматривал красивую женщину, как произведение искусства, испорченное умением говорить, и только в ней мне удалось рассмотреть идеал. Сказать о ней – идеальная женщина, ничего не сказать. Я прожил с ней короткую, но счастливую жизнь. Скажите-ка лучше, мудроголовая, зачем Господь забрал у меня жену? Какое ему дело до моего счастья? Да и есть ли Он? Можете ли вы тремя словами доказать, что Он существует?

– Только после того, как вы, ваше сиятельство, тремя тысячами слов докажете, что Бог не существует.

– Простой ответ, но обезоруживающий.

– Проще некуда

– Ответ, однако, не удовлетворяет.

– Скрою от мудрых и разумных, сказано...

– И открою дуракам.

– На всякого мудреца довольно простоты. Когда Эзоп возгласил проигравшему в споре сопернику: «Ксанф, выпей море», – хитрец, а дураки хитры, налил в чашу вина, капнул несколько капель морской воды и выпил. «На сегодня, хватит, завтра продолжим», – сказал на последней чаше захмелевший пройдоха. Эзоп, несмотря на всю свою мудрость, не учел изворотливости человека. Ксанф спас свою жизнь и репутацию, но стал алкоголиком, как и вы, ваше сиятельство. Вы оградились китайской стеной из бутылок от жизни и знаний, которые открываются с высоты вашего положения, но внутри вашей крепости происходит тоже самое. Вам некуда деться от жизни. Вы были счастливы с супругой, и вы замкнулись в вашем счастье, а став несчастным, замкнулись в несчастье. Вам нужно выйти из клетки.

– Мне уже предлагали выйти из клетки. «Хотите власти?» – спросил как-то у меня мастер одной влиятельной ложи. Его звали Файт, хотя походил на Кощея. «Помилуйте, отвечаю ему, только у императора больше власти, чем у нашей семьи», а он доверительным тоном сообщает: «Не подумайте ничего дурного. Мы не предлагаем вам свергнуть царя и поставить вас на его место, хотя и это возможно, если пожелаете. У вас есть право на то. Нет, власть над всем: над обстоятельствами, родственниками, моралью, женщинами, богатством. Над всем». Я из праздного любопытства спрашиваю, что, мол, нужно для этого сделать? «Согласие нужно, – заявляет Файт, – на совершение двух ритуальных действий». Смотря, каких действий, развожу я руками. Он тут же и предлагает совершение столь непристойного ритуала, что даже мне, повидавшему виды, не могло прийти в голову нечто подобное. Уловив на моем лице признаки удивления, умудренный сердцевед, как бы мимоходом, брякает: «Новомодное немецкое изобретение», – и спрашивает, сообщить ли мне второе условие. Я едва развел руками в недоумении, как он тут же и сообщает: «Присутствие при ритуальном убийстве». Я отказался не столько из моральных соображений, сколько из нежелания вообще чем-нибудь заниматься. Вскоре я нашел свое счастье в женитьбе.

– Возможно, смерть вашей жены было мезьей за отказ. Не нужно было выслушивать условия вступления в ложу, особенно второе.

– Может быть, может быть... Я как-то не подумал. Но она умерла от естественной причины. Я присутствовал при ее кончине.

– Вы получили то, что они вам предлагали: присутствие при ритуальном убийстве. Вам предлагали присутствие при убийстве другого человека и даже самому осуществить ритуал, а после того, как вы отказались, они... возможно... принесли в жертву вашу жену.

– Нет, этого не может быть. Почему убили ее, а не меня?

– Обещание вы исполнили, никому ничего не сказали: зачем вас убивать? Еще пригодитесь. Мои звезды, – говорит она, указывая на полумесяц в прическе и брошку, приколотую к груди, – сообщают о том, что вы задолжали Файту.

– Пожалуй, – да, задолжал, хотя он ничего не требовал за оказанную услугу. Когда мы встретились со своей будущей супругой, я, конечно, понимал, мои родственники не дадут согласие на вступление в брак с женщиной не нашего круга. Я уже подумывал бежать за границу с любимой, как однажды ко мне обратился все тот же мастер ложи Кинжала и Розы, так, кажется, она называлась, и, несмотря на мой отказ вступить в ложу, предложил без каких-либо обязательств с моей стороны решить проблему с женитьбой. «На сей раз, – возразил я, – это даже вам не под силу». В упрямстве мои родители превосходили Зевса и Геру. При этом отец, занимая какие-то должности, ничем, в сущности, не занимался, а пользовался преимуществом своего положения родственника императора, только в отличие от меня, не уставал от жизни.

– Ваш отец, да будет вам известно, руководил всей шпионской сетью Александра в Европе, а затем и Николая. Князь Долгорукий, будучи послом, занимался подобного рода деятельностью у всех на виду, а ваш отец – инкогнито.

– Кто бы мог подумать. Я-то думал, он – бонвиван и картежник. Чудны дела твои Господи.

– Чтобы оплачивать услуги информаторов.

– Кто бы мог подумать. Теперь я понимаю, почему родители носились по всей Европе, подчас забывая меня в отелях. Однажды...

«Эй, – обращается к мальчику спесивого вида толстый фрачник, – ты, кто такой?»

«Ко мне нужно обращаться, „ваше сиятельство“, – говорит мальчик по-немецки. – Запомни, смерд!»

«Русские уже уехали?» – оборачивается он к администратору за стойкой.

«Два часа назад».

«Ну вот, а ты кто такой? Кто его сюда впустил? Вечно эти кухаркины дети тут шляются. Я вот тебе сейчас уши надеру, „ваше сиятельство“, – говорит фрачник с ухмылкой. – Смерд обожает драть уши у маленьких мальчиков».

«Не двигаться», – говорит мальчик и извлекает из кармана четырехствольный пистолет.

– В детстве мне постоянно дарили оружие, но играть позволяли только под присмотром взрослых. Объясняя часто сменяющимся гувернанткам, что оружие игрушечное, мне удавалось держать пистолет при себе.

Все замирают, пока мальчик поводит вокруг пистолетом.

«Заберите у него игрушку», – указывает фрачник на администратора, который тут же ныряет под стойку.

«Не двигаться, – заявляет мальчик, оттягивая курок, – еще раз повторять не буду, стреляю без предупреждения».

Все опять замирают в позах, каких их застала угроза. Следует длинная пауза.

«Ну, все, – говорит фрачник, угрожающе сдвигая свою толстую тушу, – сейчас я буду тебя...»

Но он не успевает закончить фразу. Мальчик стреляет по статуе, хрустальному канделябру и фарфоровой вазе. Под осколками вазы оказывается фарфоровый гном, показывающий нос окружающим.

«Знай свое место, плебей!» – заявляет мальчик.

Из облака дыма возникает офицер. Он берет мальчика за руку и передает следующей за ним гувернантке. Четкими шагами подходит к фрачнику, берет его за руку, кладет на ладонь золотые монеты и говорит по-немецки:

«За беспокойство, – такими же четкими шагами уходит, у выхода останавливается и произносит по-русски: – Честь имею!»

«И что это было?» – роняя монеты, разводит руками фрачник.

* * *

– Единственный мой подвиг, имеющий какое-то отношение к военной стратегии, оставшийся, к тому же, безнаказанным. Разочаровавшись во мне, родители перестали меня замечать. Разумеется, выбрать жену самому, они никогда бы мне не позволили. Не прошло и месяца после моего разговора с Кошеем, как родители объявляют: нашли жену, которая будет держать меня в узде... хотя зачем, спрашивается, держать меня в узде, если я и так в золотой клетке пребываю... не очень знатную, но богатую, поскольку на нее наследство свалилось неожиданное. Каким образом Кошею удалось уговорить родителей, не представляю.

– Как дали, так и забрали.

– Что же получается, я виновен в смерти своей жены? В своем ли вы уме, драгоценнейшая?

– Косвенно, по неосмотрительности. От иного слова, бывало, рушились царства. В следующий раз, когда вам понадобится услуга Кошея, вам придется принять его условие, а его условием, может быть, согласие на устранение императора.

– Ну, это уж слишком.

– Дал же ваш дедушка согласие на переворот, со всеми вытекающими последствиями.

– Я не тот, кто обладает властью давать подобного рода согласие.

– Одно дело получить согласие на устранение императора у первого попавшегося обывателя на улице, а другое у великого князя.

– Нет-нет, лучше такое не знать. Все происходило естественным образом. Поскольку мне приходится жить по правилам золотой клетки, а в ней можно найти все, что угодно, я попытался вернуться к любимому с юности типу итальянской красавицы с роскошными формами. Красавицы со временем мне надоели, ибо не было в них того, что сближало меня с супругой. По классификации Маузеривица – известного описателя и классификатора типов женской красоты – моя супруга... что-то не удастся воспроизвести ее в видении... принадлежала к категории лилиток. Мы с моим ангелом сблизились не потому, что она была красавицей, хотя была хороша собой, а потому, что было в ней невыразимое обаяние, и жили мы с ней душа в душу. Я так и не мог вернуться к прежнему образу жизни. Попробовал было заняться искусством: рисовать стал, читать...

– Отрядом книг уставил полки, – произносит попугай, – читал, читал, да все без толку. Так скука, там обман или бред, в том совести, а в том и смысла нет...

– Устами птицы глаголет истина.

– Приобретение какой-нибудь вещицу, статуэтки или камеи с изображением феминны, порой доставляло большее удовольствие, чем живой образец самой феминны. Но и страсть к коллекционированию наскучила. Все надоело, хоть вешайся.

– Не торопитесь прощаться с жизнью.

– Да я только из лени не покончу с собой. Моя матушка, будучи уже без движения... ее возят в коляске по дому... все еще держит меня в эмоциональном плену. Даже, когда уезжаю за границу, целая свора прислуги, попечителей и охранников шагу не дают ступить самому. Я устал от их доброжелательности и услужливости. Не считая тайных агентов, которые вечно шныряют вокруг меня. Охраняют, словно, я – царственная особа. Выявив, спрашиваю: «Что вы тут делаете?» Чтобы меня не похитили, уверяют меня. На самом деле, чтоб не сбежал, хотя я и не собираюсь бежать. В золотой клетке – решетки с обеих сторон. Норму установили на употребление спиртного, отчего и запил. Пришлось подкупать прислугу, чтобы приносили вино про запас. Велел понаделать тайников под обоями и прятал туда бутылки. В бесконечно длящуюся шахматную партию превратилось мое пристрастие прятать бутылки, а фрейлине этой – любимицы матери – их находить. Покажите что-нибудь из того, что произойдет с нашей семьей в будущем.

– Если вы в очередной раз желаете окунуться в безумие, раскройте книгу, – указывает она на фолиант на подставке, – и смотрите. Не пытайтесь вникать в смысл текста, все равно не поймете...

– «Книга перемен». Подходящая книга для заглядывания в будущее.

– Рассматривайте текст, как узор.

«Ваше величество, вынужден вас огорчить. Ваш родственник совершает нечто такое, что не укладывается ни в какие рамки».

«Ну что там еще? Какую девицу умыкнул из-под венца?»

«Умыкну, да, но не девицу. Ваш племянник занимается кражей драгоценных камней и вчерашнее ограбление его рук дело».

«Он весь вечер был у нас на глазах на балу, – где, кстати, были и вы».

«Да, я видел его. Но слуга, спрятавшийся в шкафу, зарисовал грабителя и вот его портрет».

«Не мог же он быть в двух местах одновременно».

«Его сиятельство отыскал двойника и изображает из себя Арсена Люпена».

«Так, кто из них пребывал на балу, по вашему мнению?»

«Его сиятельство действовал, а двойник лицедействовал».

«Позвольте... позвольте... Можно найти абсолютно похожего человека, но как можно голос воспроизвести великого князя и манеры, спрашивается?»

«Не скажу, что так просто, однако умельцы находятся, подражающие голосам».

«Я сам разговаривал с ним и ничего не заметил. Нет-нет, невозможно поверить. Зачем, главное?!»

«Это особого рода испорченность. Говорят, будто английский принц...»

«О нет, избавьте меня от подробностей. Слушать ничего не хочу о королевских особах. Может быть, у него долги...»

«Вот, что еще интересно. Украденное нигде не всплывает. Воры обычно пытаются превратить известные всем драгоценности в деньги, а ему деньги не нужны. Не удивлюсь, если вскорости ограбит самого себя, а его двойник будет с вами премило беседовать».

«И что вы предлагаете сделать? Не буду же я подходить к нему на балу и требовать предъявления личности».

«Придется пока за ним последить, а там видно будет».

«Нет, вы все-таки проработайте версию того, что... кто-то желает дискредитировать князя. Поймайте вначале двойника».

* * *

– Понятно, о ком идет речь, о Николае Константиновиче. Он на такое способен. Покажите еще что-нибудь из жизни наших родственников. Кстати, подтвердилось подозрение?

– Смотрите лучше и не задавайте глупых вопросов.

* * *

Гувернантка ведет за руку двух детей: мальчика лет девяти и девочку чуть постарше. Они поднимаются по ступеням, ведущим ко входу в высокое здание с надписью на фронтоне: «Отель Европа». Просторный холл, переходящий в оранжерею между крыльями лестницы. Из оранжереи забредают в зал аисты и павлины. Гувернантка усаживает детей рядом с господином, читающим русскую газету «Либерал» с подробностями англо-бурской войны.

– Дети, посидите рядом с соотечественником, – говорит гувернантка. – Присмотрите, пожалуйста, за ними. Я ненадолго.

Человек кивает головой в знак согласия.

– Да ведь это же я в детстве! – восклицает князь. – Но что-то я не припомню такого.

– Нет, это не вы, это ваш внук, который еще не родился.

– Откуда взяться внуку, если у меня нет детей.

– У вас есть сын.

– От кого, хотелось бы знать?

– От княгини Велиховской.

– О, о-о... Полчаса пребывания в шкафу много лет назад, и вот вам, пожалуйста: в одночасье внук и сын, заодно, объявились. В одном доме... у князя Дмитрия, кажется... в прятки играли. Я спрятался в шкафу с резьбой по красному дереву с инкрустациями. На одной створке двери Пан протягивал руку к струнам, вживленным в тело нимфы, пребывающей на другой створке, чтобы услышать от нее песнь торжествующей любви. Какая-то девушка вошла вслед за мной в шкаф, а за нею еще одна, присланная той, предыдущей. С ней-то все и произошло. Я попытался угадать, кто из шести девушек, присутствовавших в доме, посетила меня, но так и не смог. Такие все кисы оказались и недотроги. Как вы думаете, мне стоит познакомиться с сыном?

– Не задавайте глупых вопросов, смотрите.

– Это наша гувернантка, – говорит девочка, рассеянно листая журнал на коленях, – любовница отца по совместительству.

– А это ее любовник, Марсель Пруст – писатель, – указывает мальчик на офицера с сеттером на поводке. – Читали «В поисках времени»? Наверняка не читали. К тому же его еще не издали, потому как еще и не написали. О-очень, очень известным писателем станет...

– В узких кругах, – добавляет девочка.

– Я тоже стану известным...

– В еще более узких кругах, – добавляет девочка.

– А она станет шлюхой...

– А вот и нет: Альбертиной, – возражает девочка и, опираясь одной рукой на колено человека, сидящего между ними, бьет брата журналом.

– Героиня романа, еще не написанного, – поясняет мальчик.

Человек, не выпуская из рук газету, вертит головой туда и сюда на их реплики.

– Хотите узнать, кем вы будете в восемнадцатом году?» – спрашивает мальчик.

Человек с удивлением смотрит на него.

– Покойником, – говорит мальчик спокойно. – Вас расстреляют...

– Мальчик, ты отдаешь себе отчет... – начинает человек.

– Да, – подтверждает девочка, – и сбросят в общую могилу.

– Ма-дам! Ма-дам! – восклицает человек, призывая гувернантку. – Заберите своих детей!

Они несносны!

– Что, – подсказывает гувернантка, – что вы ему наплели? Они фантазеры. Простите их, они и вправду несносные. Если бы вы слышали, что они говорят за обедом...

– Представляю.

– Нет, вы не представляете: они пророчествуют, – говорит она, оглядываясь на офицера. – Не обращайтесь на них внимания, у них такая игра. Побудьте еще минут пять, я сейчас вернусь.

– Он к нам приставал, – говорит девочка ей вслед, – с непристойными предложениями.

– Педофил несчастный, – добавляет мальчик.

– Что-о!? – возмущается человек. – Да как... да как...

– Мы смеем? Смеем, смеем... Все о вас знаем, господин Ставрогин.

– Никакой я не Ставрогин! Моя фамилия Ильин, я помещик. Не знаю, что такое педофил.

Должно быть, что-то обидное.

– Что ты его на «вы» называешь, педофила? – возмущается девочка, свертывает журнал и бьет его по голове. – Вот тебе, старый развратник! Сейчас позову полицию, и тебя заберут, Гумберт несчастный!

– Кто такой Гумберт? – спрашивает князь.

– Персонаж какого-то романа, должно быть. Я не литературная энциклопедия. Слушайте лучше внимательней.

«Ну, – спрашивает девочка, втыкая в бок своей жертве журнал, – что скажешь в свое оправдание?»

«Это вы, милые детки, должны извиниться за свое поведение».

«О, Небо! – воздевает девочка руки к хрустальному ангелу на потолке с гроздью ламп в руках. – И это говорят сыны Адама, съевшего плод познания зла! – и вновь бьет его журналом по голове. Он пытается что-то сказать, но получает по голове и от мальчика. – Дети им, видите ли, плохие! Разве мы войны устраиваем и всякие пакости? Сказано: „Будьте, как дети!“ Бьют они нас постоянно! Что это такое, я спрашиваю!»

«А потом перестанут бить, – говорит мальчик, – и кто из нас выйдет?»

«И кто?» – выдавливает человек.

«Революционеры, кто же еще! Свободы, равенства и братства, видите ли, им захотелось! Храм Христа Спасителя строили-строили, и вот на тебе: разрушили! Зачем разрушали, если опять постройте, а, я вас спрашиваю?»

– Полагаете революция будет?
– Вы смотрите только видения. Что из них исполнится, а что нет, заранее узнать невозможно. Такого в видениях невидишься, уму непостижимо. Слушайте лучше, что говорят, и делайте выводы.

– Все беды от вас, либералов. Дай ему еще раз за либерала!
– Правильно, – говорит, подсаживаясь рядом человек с газетой, – так его, так!
– Ну, как тут мои детки? – подсакивает раскрасневшаяся гувернантка.
Офицер с собакой уходит. Все чинно сидят на своих местах. Ильин молча разводит руками.

– Ну и чудненько. Дети пойдёте. Попрощайтесь с соотечественником. Скажите: до свиданья, мсье.

– До свиданья, мсье, – говорят они в унисон. – До встречи в России.

– Всё видели?

– Всё.

– Если хотите, сделайте выводы.

– Предлагаете стать тайным агентом, как отец, и спасти Отчизну от революции или принять монашеский постриг, как дедушка Александр? Стать агентом не позволяет лень, а цинизм и распущенность – непреодолимое препятствие к духовному. Плоть победила меня окончательно. Может быть, согласиться на предложение Файта стать императором?

– Решайте сами.

– Неразрешимая задача в вашей притче содержится. Узоры, узоры пошли...

– Вам лучше туда не смотреть.

– Почему? Что за дворец? Станный стиль. Я такого не видел. Растительные формы, извивные линии...

– Этот стиль еще не возник. Называют его – модерн. Назовут, разумеется.

– Прекрасные апартаменты. Изысканный стиль. Я, как любитель прекрасного, оценил обстановку, да и сам дворец.

– Да, это дворец, плавучий дворец. Корабль «Олимпия». Перед гибелью его назовут по-другому. Вам лучше название не знать. Кстати, модерн, – последнее воплощение красоты на земле. Потом будет сплошное уродство.

– Неужели так плохо все будет?

– Ужас охватывает меня всякий раз, когда начинаю заглядывать в будущее. Смотрите лучше в другую сторону. Если не прекратите смотреть, вам недолго останется жить.

– Почему?

– Начнете предупреждать, а этого вам не простят. Вспомните судьбу вашего отца. Куда, куда вас понесло...

Копия князя, не отрываясь от кресла, вдруг покидает свою основу и, прорывая, словно бумагу стену кабинета, заезжает в орнамент.

– Куда, куда вас понесло!? – раздается голос пифии. – Очнитесь!

Сплетенные с растительным орнаментом фигуры оживают, цветы, похожие на губы, изрекают афоризмы и исчезают, поглощаемые узорами орнамента. Все пространство вокруг кресла заполняется сиренами. Проводя обнаженной грудью по лицу, сирены одна за другой пролетают над ним и стонут, словно в оргазме.

– Слишком сильное ощущение, – вновь раздается голос пифии. – Не всякий выдерживает.

– Как же быть?

– Будьте, как боги! – раздается в ответ странный надтреснутый голос.

– Не слушайте подсказок с той стороны. Становитесь прозрачным и возвращайтесь назад!

– О да, я увлекся, – придя в себя, оправдывается князь. – Какой прекрасный мир! Так бы и остался в нем навсегда.

– Прелесть все это, обман. Потом такое начнется... не приведи Господь! Хотела бы я на вас посмотреть, когда вместо сирен появятся гарпии. Не пытайтесь самостоятельно входить в орнамент. В лучшем случае умрете, в худшем – сойдете с ума. Некий визионер приноровился попадать в Эльсинор. Он переиграл уже сотни вариантов постановки «Гамлета» в собственной интерпретации, но доиграется когда-нибудь и останется там навсегда.

– А вы?

– Я тоже по краю бездны хожу, так что сделайте вывод. К тому же я обладаю способностью сдерживать скорость воплощения образов, а вы нет. Понесет вас потоком образов, как только что было, и поминай, как звали. Будучи частным сыщиком, один мой знакомый из Мюнхена... назовем его D... получил приглашение расследовать какого-то дело в замке герцога N. Масивные створки ворот расходятся при его приближении, и он, не то чтобы входит, а буквально всплывает, минуя несколько комнат и внутренний двор, в приемный зал. Его встречает человек во фраке с искрой, в свете ламп кажется, что он объят пламенем.

«Вы кто?» – спрашивает фрачник, сбивая сполохи пламени с рукава.

«Я – детектив, – отвечает D, подавая приглашение. – Вот письмо с приглашением. Подпись, правда, неразборчивая, первая N, во всяком случае».

«Никакого письма, я не посылал, – отвечает фрачник, разглядывая, словно змею, приглашение. – Это не мой почерк».

«Вы хозяин замка?»

«Я хозяин всего этого великолепия, – рассыпая искры, проводит он рукой, – поскольку дворецким являюсь. А писал вам владелец замка. К нему обращайтесь».

«Так отведите меня к нему или пошлите за ним».

«Вы дворянин?»

«Нет».

«Тогда вам придется принять дворянский титул. Временный, соответственно. При выходе из замка вы его потеряете. Без дворянского титула к герцогу вас не допустят. Вы должны пройти ритуал возведения в дворянское звание».

«Какие сложности?! Так проводите!»

«Считайте, уже провели, – оглядывается он назад, указывая на толпу придворных в масках, салютующих шпагами. – Поздравляем вас, шевалье Эон де Бомон. Плюньте в зеркало».

«Для чего?»

«Для подтверждения того, что вы отказываетесь от своего прежнего имени и звания».

* * *

– Я попыталась проникнуть в душу моего подопечного... он мой астральный двойник... чтобы объяснить ему все. «Вы – мой двойник, – сообщаю ему из зеркала. – Я посещаю вас во сне иногда. Не плюйте, пожалуйста, выслушайте меня». Не послушался, плюнул, и в следующее мгновение оказался в кабинете у герцога. За огромным столом с выемкой располагалось толстенное существо явно герцогского вида. Оно объявляет ему, что детектив должен заняться делом, о сути коего должен сам догадаться. Отправляйтесь, говорит, в салон и ищите преступника. «О, уже на месте», – ворчит D, мгновенно оказываясь в толпе придворных в салоне.

* * *

«Скажите, – останавливает D придворного в маске, – кто занимает кабинет, из которого я только что вышел?»

«Это вовсе не дверь, а картина, изображающая дверь».

«Действительно картина, а была только что дверь. Вы, собственно, кто? Маску снимите, пожалуйста».

«Я – никто», – говорит придворный, снимая маску. Под ней перламутровое яйцо размером с человеческую голову».

«Это еще что такое?»

«Я же вам говорю, я – никто. Я не знаю, кто я такой. Всегда быть в маске, судьба моя!»

«Ладно, наденьте маску, а то неприятно на пустую голову смотреть без лица. Послушай, Маска, что здесь у вас такое творится? Не успеешь подумать, как все происходит».

«Очень удобно».

«Вот это мне больше всего у вас тут не нравится. Может быть, и удобно, но непривычно. Мой мир куда-то исчез».

«Один исчез, другой появился. Вам он не нравится?»

«Все бы ничего, да только здесь все сумасшедшие, разве что личность твоя, хотя и безличная, приемлема для беседы».

«Рад стараться, господин Эон... де Бомон».

* * *

– Чем закончилось расследование?

– Какое расследование можно вести в наваждении, если вещи ведут себя, как живые? О людях и говорить нечего – сплошные Протеи. Стоит только D прекратить расследование, прилечь на диван или просто задуматься, как начиналась пространственная вакханалия: вещи сдвигались со своих мест, и все вокруг превращалось в бесконечно меняющийся орнамент.

– Преступление так и осталось нераскрытым?

– Что можно назвать преступлением в текучем состоянии пространства и времени, спрашивается? Замок тот же театр, где сцена, зрительный зал, кулисы и вестибюль представляют единое целое. Преступления в театре происходят, но не совершаются, а в наваждении и подавно. Герцог, будучи медиумом, заманивает в наваждение беспечные души, погружает в летаргический сон и, создавая иллюзию пребывания в замке, глумится над ними.

– Я надеюсь, выход все же нашелся?

– Как только удалось, задержать внимание D в зеркале. «Мне пришлось, – говорю ему наставительно, – воспользоваться женской составляющей образа шевалье. Другого подхода к вам не было. Если не сумеете освободиться, будете вечно расследовать то, чего нет. Необходимо сыграть на тщеславии герцога. Замок подобен философскому камню. Все им пользуются, чтобы творить чудеса. Обратите внимание герцога на бриллиант неземного размера. Отправьте меня, скажете ему, во внешний мир, чтобы из этого камня сотворить именную скрижаль. Вы один будете творить чудеса, а все остальные завидовать вам.

– Неужели герцог поверил?

– От длительного пребывания в обмане глупеют. Герцог наговорил магический текст в раковину, и D проснулся у себя дома в кресле с горящим письмом в руках. Я обрезала невидимую нить, связывающую его с наваждением, и он все позабыл. Ну... почти все.

– А бриллиант?

– Неужели не уяснили? Из наваждения ничего нельзя вынести. Время от времени я общаюсь во снах с ним, подсказываю, кто преступник, что он считает своей интуицией.

– Какое интересное приключение.

– Я опытная кассандра, пифия или ведьма, как хотите меня называйте, но иной раз с трудом удерживаю себя, чтобы не унести куда-то туда, где нет времени. Не старайтесь повторить без меня сеанс ясновидения. Если у вас, ваше сиятельство, случайно получится, можете не удержаться, и вас засосет в черный квадрат, а оттуда выхода нет. Будете блуждать во всех вариантах действительности, истинных и ложных до скончания века сего. После моего ухода спрячьте подальше ковер с черным квадратом в орнаменте, а еще лучше сожгите. Если кто-нибудь догадается в ближайшие годы нарисовать на холсте черный квадрат и выдаст за произведение искусства... рано или поздно это произойдет... он начнет втягивать в себя все прекрасное, а назад возвращать мерзости всякие. Все жизненные силы из человечества высосет и, наконец, все поглотит.

– Я безмерно благодарен вам... ладно, сожгу... за ощущение счастья, которое вы мне вернули. Позвольте только увидеть еще одно воспоминание: последнее.

– У меня уже силы заканчиваются вызывать видения прошлого, а тем более, будущего. Прощайте, ваше сиятельство...

Черный квадрат

– Я потихоньку открою, – мечтательно говорит сидящий в коляске Лавров с букетом в руках, – пройду на цыпочках, скажу: Ли-изонька, где-е ты? Сюр-при-из... Алешенька твой приехал, не-ждан-но...

Лавров входит в подъезд, вставляет ключ в дверь лифта, но кабина уползает вверх.

– Ладно, – машет он рукой и поднимается по лестнице.

– Лизонька, – говорит он, входя в прихожую, – Ли-изонька, где-е ты?

Он заглядывает в разные комнаты.

– Никого... и здесь никого. Где же горничная? А, ты еще спишь...

Он открывает дверь спальни. Лежащий на постели мужчина читает газету с заголовком «Смертный приговор террористам!». На той же странице выделяется черный квадрат с заголовком: «Что это?». Ежов резко опускает газету, чтобы прикрыть нижнюю часть тела. Во взгляде Лаврова черный квадрат остается на месте.

– Ну, вот видишь, какое дело, – говорит Ежов совершенно спокойно. – Ты уж, брат, извини.

Не выпуская букета из рук, Лавров замирает на месте. Перед его взором расширяется черный квадрат, на мгновение заполняя все пространство.

– Да ты букетик, букетик в вазу поставь, – слышен из темноты голос Ежова. – Нет, не в эту, вон в ту, что побольше.

Воспользовавшись тем, что хозяин дома ставит букет в вазу, Ежов быстро начинает одеваться.

– Да не тащи ты перчатку, я понял. Ты хочешь вызвать меня на дуэль. Глупое дело дуэль. Алеша, давай разойдемся с миром. С кем не бывает. Бес попутал. Прими-ка лучше мои извинения, да и дело с концом.

Лавров, наконец, стаскивает перчатку и неловко бросает ее. Перчатка попадает в букет.

– Ну, куда тебе на дуэль, если ты перчатку по-человечески бросить не можешь?

Не в состоянии произнести ни слова, Лавров машет головой.

– Отцвели уж давно хризантемы в саду, – раздается пение из ванны.

– О-ох, – воздевает Ежов, – эта еще туда же! Что с-час начнется! Лиза, – стучит он в дверь ванной, – к нам гость.

– Что, милый...

Лавров подбегает к бюро, нервно раскрывает его, достает револьвер.

– Отойди от двери! – говорит он.

Ежов оборачивается и видит направленный на него револьвер.

– Вот-вот, о чем я тебе всегда говорил. Ты склонен к мелодраме и глупостям. Нельзя быть таким сентиментальным. Двадцатый век на дворе. С оружием лучше не шутить. Знаешь, театральные закон: если в первом акте ружье появилось, в последнем обязательно выстрелит.

– Убирайся отсюда! – с трудом произносит Лавров.

– Револьверчик с предохранителя снимай в следующий раз, – выглядывает из-за двери Ежов.

– У-би-райся, – шипит Лавров. – Я за себя не ручаюсь.

Он стоит перед дверью ванны, не смея войти.

– Алеша, извини, – возвращается Ежов. – Я вернулся, чтобы тебя сказать кое-что. Давай выйдем.

Ежов, пятясь, выходит из прихожей.

– Тебе бы сейчас уйти без скандала, а я вернусь и скажу, что мне срочно нужно на службу. Ты через полчаса заходишь, – отводит он дуло пистолета пальцем в сторону. – Жена тебя встречает с объятиями, поцелуйчиками, – усмехается он. – Все шито-крыто. И зайцы сыты, и волки целы. Давай спустимся вниз. Дадим ей возможность одеться, а мы все спокойно обсудим.

Они выходят на лестничную площадку. Лавров идет к лестнице чуть позади Ежова, но на первой же ступеньке, поскользнувшись, падает. Игнорируя протянутую руку, он вскакивает и возвращается назад к двери, но она захлопнулась. Нервно пытается найти нужный ключ в связке. Наконец, находит, но не может вставить в замочную скважину. Ежов забирает у него ключ и вставляет в замочную скважину.

– Пойдем вниз...

– Мне с вами не по пути.

– О, на вы уже!? Да не мечись ты, как зверь в клетке. В сущности, ты из клетки никогда и не выходил, только пребывал с другой стороны решетки. Банк, развозы по двум-трем одним и тем же местам, дом – вот и вся твоя жизнь. Разве что, в клубе с нами в картишки поигрывал. Жизни не знаешь, а она, брат, со сложностями.

Он достает сигарету и закуривает, наблюдая за стараниями Лаврова что-то предпринять с ключом.

– Послушай, Алеша. Мы с тобой попали в ситуацию, из которой трудно... я понимаю... очень трудно выпутаться. Ну, это – психология, не более того. Давай разойдемся с миром. Если стрелять всех тех, с кем твоя жена переспала, придется перестрелять половину знакомых.

– Замолчи, замолчи! Я пришлю секундантов. Только молчи!

– Хочешь покончить с собой? Чего ждать, застрелись прямо сейчас. Ты же «банкирчик», а не бретер. Занимайся лучше своим делом: играй на бирже, разорь себе подобных, а стрелять предоставь другим.

– Я сам тебя сейчас застрелю, – вновь хватается за пистолет Лавров.

– Ты с предохранителя так и не снял. Правильно делаешь. Так безопасней, а то пиф-паф, – он делает затяжку и выпускает струю дыма, – и нет человека, а затем – тюрьма: кандалы, насекомые, холод и голод.

– Убирайся! Убирайся, тебе говорят! Мне с тобой не о чем говорить. Я пришлю секундантов.

– Как прикажешь. Я тебя предупредил: последствия будут глупейшие.

Сатир на фарфоровой вазе, поставив нимфу на колени, одной рукой держит ее за волосы, другой с хохотом указывает пальцем на входящего хозяина дома. Лавров не выдерживает насмешки, закрывается рукой и, не глядя, стреляет. На составленном из четырехугольников зеркале разбивается одна секция. Образуется черный расширяющийся квадрат, и комната на мгновение погружается во тьму. Сатир, как ни в чем не бывало, с хохотом указывает на него пальцем с изразцовой мозаики над камином. Жена выглядывает из ванны.

– Евгений, что случилось?

Увидев мужа с пистолетом в руке, с криком бежит в прихожую. Пытается открыть дверь. Наконец, она понимает, что ее никто не преследует.

Он сидит за столом в комнате, закрыв лицо руками, перед ним лежит револьвер. Жена ходит по комнате, собирая вещи. Несколько раз она пытается подойти к нему, чтобы забрать револьвер, но он всякий раз кладет на него руку.

– Надеюсь, у тебя хватит ума... – начинает она, но осекается и машет рукой, – а... будь, что будет.

Как только Лавров приставляет револьвер к виску, раздается звонок. Он медленно опускает револьвер и ждет. Звонок не прекращается, и он покорно идет к телефону.

– Ты что же это там, наделал, братец? – раздается бойкий голос в трубке. – Ты меня слышишь? Шурин тебе звонит. Подумаешь, жена изменила! Экая невидаль! А ты, брат, подлец! Ты что же это сестру в чем мать, можно сказать, родила, выгнал из дому!

– Она сама ушла, – выдавливая из себя Лавров.

– Правильно сделала. Любая на ее месте поступила бы так. Где это видано, чтобы в цивилизованном обществе револьвером грозили невиннейшему созданию. Ну... ну, не совсем уж невинному... кто без греха, бросьте в того камень.

– Я ее не выгонял. Она сама ушла.

– Вот что я тебе скажу. Тебе нужно ответить ей тем же, и вы – квиты! Я тебе сейчас племянницу пришлю. Зовут ее Катенька... Она тебя утешит.

Лавров подходит к двери и долго звонит. Открывает горничная. Отстраняя ее, он врывается в квартиру.

Человек в парчовом халате идет из глубины гостиной с протянутой рукой:

– Какими судьбами, Алеша? Милости прошу к нашему шалашу, – указывает он на гобелен с пасторальным пейзажем – фавн с завязанными глазами ловит пастушек.

– Будешь моим секундантом? – не здороваясь, брякает Лавров.

– С кем деремся?

– С Ежовым!

– Ты что, с ума сошел? С лучшим другом! Что он сделал такого?

– Он... он...

– С женой твоей амуры, что ли, завел? Ежов человек порядочный. Не верь никому. Сплетни все это, врут!

– Вот, все, оказывается, в курсе. Один я в неведении. Друзья называются...

– Мужья всегда в неведении. Да только было ли что-нибудь?

– Я застал его в спальне с газетой.

– Ну вот, – с газетой! Ничего предосудительного.

– Он прикрывался газетой. Что тут смешного?

– Хорошо, не буду смеяться, – и вновь закатывается. – Извини, представил всю сцену в лицах.

– Ничего нет смешного.

– Ну, у тебя с чувством юмора всегда было плохо. Не буду я твоим секундантом.

– Почему?

– Дурное дело – дуэли, феодальный предрассудок. Мы с тобой, слава Богу, не феодалы. Ежов – да, а мы – нет. Во-первых, он тебя прихлопнет, как муху. Но он драться с тобой не будет. У него самого намечается нечто вроде дуэли с го-ора-аздо более опасным противником. Произойдет событие, которое будет иметь большое общественное значение. Что жена? Приходит, уходит, а Россия всегда остается с нами! Ты, надеюсь, не позабыл идеалы свободы, равенства и братства? Больше я тебе ничего не могу сказать. К тому же из-за такой ерунды не стреляются. Пойдем, я тебе кое-что покажу.

Он раскрывает дверь спальни. Лежащая на постели блондинка, натягивает одеяло до глаз.

– Прошу любить и жаловать. Жена Антона Евсеевича. Все мы друг с другом слегка это того... заводим амуры.

– Алешка, привет, – высовывая из-под одеяла руку, машет ему блондинка.

- Я смотрю, у вас заговор тут против морали. Может быть, ты и с моей женой...
- Ну, какой же ты все-таки зануда. О, ушел... сейчас хлопнет дверью. Не хлопнул.

– Вы Катя? – рассеянно спрашивает Лавров, открывая дверь. На пороге стоит девушка.
– Я Полина.

- Входите, раздевайтесь.
- Прямо так сразу? – спрашивает она.

Она подходит к зеркалу, оглядывает себя, обводит дыру пальцем.

- Придется стекло заменить.
- Да-да, – рассеянно отвечает Лавров.

Она снимает шляпу, платье и остается в ярком черно-красном нижнем белье.

– Понимаете, – вдруг оживляется он, не замечая, что она разделась, – мне многие намекали, но я не верил, не верил, не верил! Я всегда склонен был верить во все самое лучшее: в честность, искренность, дружбу. Да, я идеалист! Да, я сентиментален! Даже сейчас, когда своими глазами увидел лучшего друга... Как вспомню... как вспомню... Может быть, он мне вовсе не друг, а только притворялся? Разве можно так притворяться? Как жить после этого, Катя?

– Кати не оказалось на месте. Я вместо нее. Вообще-то она не по вашему профилю. Она нарасхват. Ее вызывают к юнцам, когда они подходят к возрасту невоздержания. Она деликатная, но властная, а я нежная. Меня зовут Полина, а вас? О, звонят.

– Трепилов, – проводит стоящий за дверью человек пальцем по груди, как будто там имеется надпись, подтверждающая сказанное. – Здесь должны были висеть ордена, но их нет. Людская злоба и зависть тому виной. Запомните: Трепилов, а не Треплов. Нечто чеховское в фамилии, но я не его герой. Что-то такое от Достоевского или Лаевского.

– Какого еще Лаевского?

– Для рифмы говорится такое. Люблю порифмовать, пофрантить, по-форс-мажорить! Вообще-то я весельчак. Из гусар, как вы уже поняли. Занимаюсь устройством дуэлей.

- Вы – секундانت Ежова?
- Нет, но имею отношение к дуэлям. Можно войти?
- Да-да, проходите... Это...

– Полина – кузина.

– Да-да, племянница брата, – подтверждает Лавров. – Ее зовут, кажется, Катя.

– Племянница брата... – целует Трепилов ей руку, не обращая внимания на то, что она в нижнем белье, – стало быть, и ваша тоже.

– Сомневаюсь.

– Ну, как же! Ежели у вашего брата есть племянница, то... тогда она и ваша племянница. Неужели вы позабыли?

– Да-да, племянница брата жены. Или жены брата? Я плохо соображаю, у меня несчастье.

– Тогда другое дело. Будем считать кузиной, – подмигивает он ей. – Один мой друг всех молоденьких девушек называет кузинами. Шутник.

– Нынче все шутники, – подтверждает Полина.

Все сидят за столом: Лавров – с опущенной головой, Полина – подпирая руками подбородок, Трепилов, вытянув руки, барабанит пальцами.

– Вернемся к нашим баранам. Кого будем отдавать на заклятие? Это коньяк? – оборачивается он и указывает пальцем на буфет.

– Да-да, угощайтесь. Катя, там рюмки... возьми.

Полина ставит на стол бутылку коньяка и три рюмки.

– О, – берет Трепилов бутылку, – се манифик! Первую всегда пью за дам. После первой не закусываю, да и нечем.

– Катя, – делает Лавров неопределенный жест. – Горничной нет, кухарка тоже отсутствует. Не могу понять, почему. Что-нибудь сами придумайте.

– Вам в таком состоянии нельзя стреляться. Повторяю вопрос: кого будем отдавать на заклатание, вас или противника?

– Ежов отличный стрелок. Я обречен.

– Не имеет значение. Лучше всего сговориться на хлопущки. Стреляетесь холостыми, и дело с концом.

– Нет, дело чести. Затронута честь жены.

– Ежели вы хотите покончить с собой... бывает и такое... стреляемся по правилам. Убрать противника? Это вам... – шевелит он губами, оглядывая обстановку в комнате, – обойдется в... в пять... э, тысяч рублей. Могу и за тысячу, но лучше за пять.

– А-а... как же с совестью быть...

– Хотите, по-честному?

– Да.

– При этом хотите остаться в живых?

– Не знаю...

– Будем считать, хотите. Имеется способ. Сейчас покажу, – говорит Трепилов, доставая плоскую фляжку. – Я накапаю пару капель, – опасливо поглядывает он на хозяина, – э... про запас.

Лавром молча кивает головой. Трепилов достает такую же плоскую леечку, вставляет в горлышко и наполняет фляжку коньяком и засовывает в карман пиджака.

– Берем вот такую вот фляжку, – достает он следующую и заполняет ее, – вешаем ее с внутренней стороны под жилетку. Только вместо коньяка, сами понимаете, там будет хорошая сталь, чтобы закрыть грудь и живот. Обычно стреляют в грудь, а попадают в живот, – тычет он пальцем в живот Лаврова.

– Ой, как я боюсь этих дуэлей! – восклицает Полина.

– Вам, душечка, – целует он ей руку, – ничего не грозит. Это мужское дело. Трудные бывают случаи, очень трудные, но все разрешимо. Я принимал участие в пятидесяти дуэлях. Тридцать из них были со смертельным исходом. Вы не хотите такого исхода?

– Я сам уже не знаю, чего я хочу.

– Предоставьте все мне. Буду вашим секундантом и ангелом хранителем. Кстати, вы не займете мне двести, а еще лучше триста рублей?

Лавров достает бумажник и, не глядя, дает ему несколько купюр.

– Премного благодарен.

Лавров лежит на постели, на его груди голова Полины. Он рассеянно гладит ее по волосам и смотрит на портрет жены. По его лицу текут слезы.

– Какая же ты ласковая, Катя. Я тебе все рассказал, и ты плачешь.

– Профессия обязывает, а вообще-то плачу я о своей беде.

– Другие смеялись бы. Твои слезы горячие капают мне на грудь, и мне становится легче. Оставь мне свой адрес, когда будешь уходить. Я тебя навещу. Родители не будут против, если к тебе явится женатый мужчина? Ты, правда, племянница шурина?

– Кузина, – смеется она. – Какие же вы все невнимательные.

– Кто все?

– Клиенты, кто же еще?

– Да-да, клиенты нашего банка, – говорит он, засыпая, – такие требовательные, нетерпеливые, нервные. Каждый со своей причудой.

Жена Лаврова с расстегнутым на груди платьем сидит на коленях у Ежова и говорит по телефону.

– Я уже все обдумал! – слышен голос Лаврова в трубке.

– Он просит прощения, Алексей. Он не может драться с тобой на дуэли – он непременно тебя убьет. Вспомни о вашей дружбе, – говорит она, безуспешно пытаясь снять руки любовника со своей груди. – Я возбуждаюсь, – шепчет она, прикрывая трубку.

– Когда он с тобой... он с тобой... прелюбодействовал, не очень-то он помнил о нашей дружбе?

– Какие слова! Какие слова! Прелюбодействовал! Что за глупости? Как пошло ты себя ведешь!

– Мне кажется, Лиза, что он... что он и сейчас тебя лапает.

– Какая чепуха! Я нахожусь в приличном доме: в квартире у брата! Я готова расплакаться от твоих слов.

Ежов, шутовским образом комментируя разговор, разводит руками и корчит рожи.

– Предложи переговоры в нейтральном месте, – шепчет он. – В ресторане.

– Предлагаю встретиться в нейтральном месте. Лучше всего в ресторане. Там, где мы с тобой в первый раз... – она начинает задыхаться, возбуждаясь от ласк любовника, – в первый раз... Какой подлец, бросил трубку! – она целует его. – Но он все равно будет там. Я его знаю.

Лавров поднимается по лестнице шикарного особняка. На середине лестницы располагается бронзовый античный юноша с поднятым коленом. На ноге у него, обвивая его руками за плечи, восседает мраморная дива с дополнительным лицом на затылке. Обходя статую, туда-сюда снуют молодые женщины и пожилые мужчины.

– Что за странный дом? – спрашивает он у лакея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.